

V $\frac{279}{666}$

ЛЕНЬКІЙ
ЦВІТОЧЕКЪ.

V 279
666

БИБЛИОТЕКА И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 253.

С. Т. Аксаковъ.

АЛЕНЬКІЙ ЦВѢТОЧЕКЪ.

СКАЗКА

КЛЮЧНИЦЫ ПЕЛАГЕИ.

Съ рисунками Н. И. Живаго.

24-38597

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. Пименовская улица, соб. д.
МОСКВА — 1912.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

2011096913

К Н И Г А И М Е Е Т :

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1949 г.
-------------------	--------	---------------------------------------	--------	------	----------	----------------	------------------------------	---------

2

3

4

195
980

2

K H N L A H W E E T :

111111

11

110

111

B U E D G E T

11

11

Handwritten signature and scribbles in blue ink.

Аленькій Цвѣточекъ

Въ нѣкіимъ царствѣ, въ нѣкіимъ государствѣ жилъ-былъ богатый купецъ, именитый человѣкъ. Много у него было всякаго богатства, дорогихъ товаровъ заморскіихъ, жемчугу, драгоценныхъ каменіевъ, золотой и серебряной казны; и было у того купца три дочери, всѣ три красавицы писанья, а меньшая лучше всѣхъ; и любилъ онъ дочерей своихъ больше всего своего богатства, жемчуговъ, драгоценныхъ каменіевъ, золотой и серебряной казны—по той причинѣ, что онъ былъ вдовецъ, и любить ему было некого; любилъ онъ старшихъ дочерей, а меньшую дочь любилъ больше, потому что она была собою лучше всѣхъ и къ нему ласковѣе.

Вотъ и собирается тотъ купецъ по своимъ торговымъ дѣламъ за море, за тридевять земель, въ тридевятое царство, въ тридесятое государство, и говоритъ онъ своимъ любезнымъ дочерямъ: «Дочери мои милыя, дочери мои хорошія, дочери мои пригожія, ѣду я по

своимъ купецкимъ дѣламъ за тридевять земель, въ тридевятое царство, тридесятое государство, и мало ли, много ли времени проѣзжу — не вѣдаю, и наказываю я вамъ жить безъ меня честно и смирно, и коли вы будете жить безъ меня честно и смирно, то привезу вамъ такіе гостинцы, какихъ вы сами похотете, и даю я вамъ сроку думать на три дня, и тогда вы мнѣ скажете, какихъ гостинцевъ вамъ хочется».

Думали онѣ три дня и три ночи, и пришли къ своему родителю, и сталъ онъ ихъ спрашивать, какихъ гостинцевъ желаютъ.

Старшая дочь поклонилась отцу въ ноги, да и говоритъ ему первая: «Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мнѣ золотой и серебряной парчи, ни мѣховъ чернаго соболя, ни жемчуга бурмицкаго; а привези ты мнѣ золотой вѣнецъ изъ каменьевъ самоцвѣтныхъ, и чтобъ былъ отъ нихъ такой свѣтъ, какъ отъ мѣсяца полнога, какъ отъ солнышка краснаго; и чтобъ было отъ него свѣтло въ темную ночь, какъ среди дня бѣлаго».

Честной купецъ призадумался и сказалъ потомъ: «Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая; привезу я тебѣ таковой вѣнецъ; знаю я за моремъ такова человѣка, который достанетъ мнѣ таковой вѣнецъ; а и есть онъ у одной королевишны заморскія, а и спрятанъ онъ въ кладовой каменной, а и стоитъ та кладовая въ каменной горѣ, глубиной на три сажени, за тремя дверьми желѣзными, за тремя замками нѣмецкими. Работа будетъ не малая: да для моей казны супротивнаго нѣтъ».

Поклонилась ему въ ноги дочь середняя и говоритъ: «Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мнѣ золотой и серебряной парчи, ни черныхъ мѣховъ соболя сибирскаго, ни ожерелья жемчуга бурмицкаго, ни золота вѣнца самоцвѣтнаго; а привези ты мнѣ тувалетъ изъ хрусталу восточнаго, цѣльнаго, безпорочнаго, чтобы, глядя въ него, видѣла я всю красоту поднебесную и чтобъ, смотрясь въ него, я не старилась и красота бѣ моя дѣвичья прибавлялася».

Призадумался честной купецъ и, подумавъ мало ли, много ли времени, говоритъ ей таковыя слова: «Хорошо, дочь моя милая, хо-

рошая и пригожая; достану я тебѣ таковой хрустальный тувалетъ; а и есть онъ у дочери короля персидскаго, молодой королевшины, красоты несказанной, неписанной и негаданной; и схороненъ тотъ тувалетъ въ терему каменномъ, высокімъ и стоитъ онъ на горѣ каменной; вышина той горы въ триста сажень, за семью дверьми желѣзными, за семью замками нѣмецкими, и ведутъ къ тому терему ступеней три тысячи, и на каждой ступени стоитъ по воину персидскому и день и ночью съ саблей наголо булатною, и ключи отъ тѣхъ дверей желѣзныхъ носить королевшина на поясѣ. Знаю я за моремъ такова челоуѣка, и достанетъ онъ мнѣ таковой тувалетъ. Потяжеле твоя работа сестриной: да для моей казны супротивнаго нѣтъ».

Поклонилась въ ноги отцу меньшая дочь и говоритъ таково слово: «Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мнѣ золотой и серебряной парчи, ни черныхъ соболей сибирскихъ, ни ожерелья бурмицкаго, ни вѣнца самоцвѣтнаго, ни тувалета хрустальнаго, а привези ты мнѣ *аленькой цвѣточекъ*, котораго бы не было краше на бѣломъ свѣтѣ».

Призадумался честной купецъ крѣпче прежняго. Мало ли, много ли времени онъ думалъ, доподлинно сказать не могу; надумавшись, онъ цѣлуетъ, ласкаетъ, приголубливаетъ свою меньшую дочь любимую и говоритъ таковыя слова: «Ну, задала ты мнѣ работу потяжеле сестриныхъ; коли знаешь, что искать, то какъ не сыскать, а какъ найти то, чего самъ не знаешь? Аленькой цвѣточекъ не хитро найти, да какъ же узнать мнѣ, что краше его нѣтъ на бѣломъ свѣту? Буду стараться, а на гостинцѣ не взыщи». И отпустилъ онъ дочерей своихъ, хорошихъ, пригожихъ, въ ихніе терема дѣвичьи.

Сталъ онъ собираться въ путь, во дороженьку, въ дальніе края заморскіе. Долго ли, много ли онъ собирался, я не знаю и не вѣдаю: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Поѣхалъ онъ въ путь, во дороженьку. Вотъ ѣздитъ честной купецъ по чужимъ сторонамъ заморскимъ, по королевствамъ невиданнымъ; продаетъ онъ свои товары втридорога, покупаетъ чужіе втридешева, онъ мѣ-

няеть товаръ на товаръ и того сходнѣй, со придачею серебра да золота; золотой казной корабли нагружаетъ да домой посылаетъ. Отыскалъ онъ завѣтный гостинецъ для своей старшей дочери: вѣнецъ съ камнями самоцвѣтными, а отъ нихъ свѣтло въ темную ночь, какъ бы въ бѣлый день. Отыскалъ завѣтный гостинецъ и для своей средней дочери: тувалетъ хрустальный, а въ немъ видна вся красота поднебесная, и, смотрясь въ него, дѣвичья красота не старѣется, а прибавляется. Не можетъ онъ только найти завѣтнаго гостинца для меньшей, любимой дочери, аленькаго цвѣточка, краше котораго не было бы на бѣломъ свѣту.

Находилъ онъ во садахъ царскихъ, королевскихъ и султановыхъ много аленькихъ цвѣточковъ такой красоты, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; да никто ему поруки не даетъ, что краше того цвѣтка нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ; да и самъ онъ того не думаетъ.

Вотъ ѣдетъ онъ путемъ-дорогою, со своими слугами вѣрными, по пескамъ сыпучимъ, по лѣсамъ дремучимъ, и, откуда ни возмись, налетѣли на него разбойники бусурманскіе, турецкіе да индѣйскіе, и, увидя бѣду неминуемую, бросаетъ честной купецъ свои караваны богатые со прислугою своей вѣрною и бѣжитъ въ темны лѣса. «Пусть-де меня растерзаютъ звѣри лютые, чѣмъ попасться мнѣ въ руки разбойничьи и доживать свой вѣкъ въ плѣну во неволѣ».

Бродитъ онъ по тому лѣсу дремучему, непроѣздному, непроходному, и что дальше идетъ, то дорога лучше становится, словно деревья передъ нимъ разступаются, а часты кусты раздвигаются. Смотритъ назадъ—руки не просунуть, смотритъ направо—пни да колоды, зайцу косому не проскочить, смотритъ налѣво—а и хуже того.

Дивуется честной купецъ, думаетъ—не придумаетъ, что съ нимъ за чудо совершается, а самъ все идетъ да идетъ: у него подъ ногами дорога торная. Идетъ онъ день отъ утра до вечера, не слышитъ онъ реву звѣринаго, ни шипѣнія змѣинаго, ни крику совинаго, ни голоса птичьяго: ровно около него все повымерло.

Вотъ пришла и темная ночь; кругомъ его хоть глазъ выколи, а у него подъ ногами свѣтлехонько. Вотъ идетъ онъ, почитай, до полу-

Дивуется честной купецъ.

ночи, и сталъ видѣть впереди будто зарево, и подумалъ онъ: «Видно лѣсъ горитъ, такъ зачѣмъ же мнѣ туда итти на вѣрную смерть, неминучую?»

Поворотилъ онъ назадъ—нельзя итти; направо, налево—нельзя итти; сунулся впередъ—дорога торная. «Дай постою на одномъ мѣстѣ, можетъ, зарево пойдетъ въ другую сторону, аль прочь отъ меня, аль потухнетъ совсѣмъ».

Вотъ и сталъ онъ, дожидается; да не тутъ-то было: зарево точно къ нему навстрѣчу идетъ, и какъ будто около него свѣтлѣе становится; думалъ онъ, думалъ и порѣшилъ итти впередъ. Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать. И пошелъ купецъ впередъ. Чѣмъ дальше идетъ, тѣмъ свѣтлѣе становится, и стало, почитай, какъ бѣлый день, а не слышно шуму и треску пожарнаго.

Выходитъ онъ подъ конецъ на поляну широкую, и посередь той поляны широкая стоитъ домъ не домъ, чертогъ не чертогъ, а дворецъ королевскій или царскій, весь въ огнѣ, въ серебрѣ и золотѣ, и въ камняхъ самоцвѣтныхъ весь горитъ и свѣтитъ, а огня не видать; ровно солнышко красное, индо тяжело на него глазамъ смотрѣть. Всѣ окошки во дворцѣ растворены и играетъ въ немъ музыка согласная, какой онъ никогда не слыхивалъ. Входитъ онъ на широкій дворъ, въ ворота широкия растворенныя; дорога пошла изъ бѣлаго мрамора, а по сторонамъ бьютъ фонтаны воды, высокіе, большіе и малые.

Входитъ онъ во дворецъ по лѣстницѣ, устланной кармазиннымъ сукномъ, съ перилами позолоченными; вошелъ въ горницу — нѣтъ никого, въ другую, третью—нѣтъ никого, въ пятую, десятую—нѣтъ никого; а убранство вездѣ царское, неслыханное и невиданное: золото, серебро, хрустали восточные, кость слоновая и мамонтовая.

Дивится честной купецъ такому богатству несказанному, а вдвое того, что хозяина нѣтъ; а музыка играетъ не смолкаяючи; и подумалъ онъ въ тѣ поры про себя: «Все хорошо, да ѣсть нечего». И выросъ передъ нимъ столъ, убранный, разубранный; въ посудѣ золотой да серебряной яства стоятъ сахарныя и вина заморскія и питья медвяныя.

Сѣлъ онъ за столъ безъ сумлѣнія; напился, наѣлся досыта, потому что не ѣлъ сутки цѣлыя; кушанье такое, что и сказать нельзя,—того и гляди, что языкъ проглотишь, а онъ, по лѣсамъ и пескамъ ходючи, крѣпко проголодался; всталъ онъ изъ-за стола, а поклониться некому, и сказать спасибо за хлѣбъ, за соль некому. Не успѣлъ онъ встать да оглянуться, а стола съ кушаньемъ какъ не бывало, а музыка играетъ не умолкаючи.

Дивуется честной купецъ такому чуду чудному и такому диву дивному, и ходитъ онъ по палатамъ изукрашеннымъ да любитъся, а самъ думаетъ: «Хорошо бы теперь соснуть да всхрапнуть». И видитъ: стоитъ передъ нимъ кровать рѣзная, изъ чистаго золота, на ножкахъ хрустальныхъ, съ пологомъ серебрянымъ, съ бахромою и кистями жемчужными; пуховикъ на ней какъ гора лежитъ, пуху мягкаго, лебяжьяго. Дивится купецъ такому чуду новому, новому и чудному; ложится онъ на высокую кровать, задергиваетъ пологъ серебряный и видитъ, что онъ тонокъ и мягокъ, будто шелковый. Стало въ палатѣ темно, ровно въ сумерки, и музыка играетъ будто издали, и подумалъ онъ: «Ахъ, кабы мнѣ дочерей хоть во снѣ увидѣть». И заснулъ тое жъ минуточку.

Просыпается купецъ, а солнце уже взошло выше дерева стоячаго. Проснулся купецъ, а вдругъ опомниться не можетъ: всю ночь видѣлъ онъ во снѣ дочерей своихъ любезныхъ, хорошихъ и пригожихъ, и видѣлъ онъ дочерей своихъ старшихъ: старшую и среднюю, что онѣ веселымъ-веселехоньки, а печальна одна, дочь меньшая, любимая; что у старшей и средней дочери есть женихи богатые и что собираются онѣ выйти замужъ, не дождавшись его благословенія отцовскаго; меньшая же дочь, любимая, красавица писаная, о женихахъ и слышать не хочетъ, покуда не воротится ея родимый батюшка; и стало у него на душѣ и радостно и не радостно.

Всталъ онъ со кровати высокя, платье ему все приготовлено, и фонтанъ воды бьетъ въ чашу хрустальную; онъ одѣвается, умывается, и ужъ новому чуду не дивуется: чай и кофей на столѣ стоятъ, и при нихъ закуска сахарная. Помолившись Богу, онъ наку-

шался и сталъ опять по палатамъ ходить, чтобъ опять на нихъ полюбоватися при свѣтѣ солнышка краснаго. Все показалось ему лучше вчерашняго.

Вотъ видитъ онъ въ окна растворенныя, что кругомъ двора разведены сады диковинные, плодовиые, и цвѣты цвѣтутъ красоты неописанной. Захотѣлось ему по тѣмъ садамъ прогулятися.

Сходитъ онъ по другой лѣстницѣ изъ мрамора зеленаго, изъ малахита мѣднаго, съ перилами позолоченными, сходитъ прямо въ зелены сады. Гуляетъ онъ и любитъся; на деревьяхъ висятъ плоды спѣлыя, румяныя, сами въ ротъ такъ и просятъ, инда, глядя на нихъ, слюнки текутъ; цвѣты цвѣтутъ распрекрасныя, махровыя, пахучіе, всякими красками расписанныя; птицы летаютъ невиданныя: словно по бархату зеленому и пунцовому золотомъ и серебромъ выложенныя, пѣсни поютъ райскія; фонтаны воды бьютъ высокіе, инда глядѣть на ихъ вышину—голова запрокидывается; и бѣгутъ и шумятъ ключи родниковыя по колодамъ хрустальнымъ: Ходитъ честной купецъ, дивуется; на всѣ такія диковинки глаза у него разбѣжались, и не знаетъ онъ, на что смотрѣть и кого слушать.

Ходилъ онъ такъ, много ли, мало ли времени—невѣдомо: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. И вдругъ видитъ онъ—на пригорочкѣ зеленымъ цвѣтетъ цвѣтокъ цвѣту алаго, красоты невиданной и неслыханной, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. У честного купца духъ занимается; подходитъ онъ къ тому цвѣтку; запахъ отъ цвѣтка по всему саду, ровно струя, бѣжитъ; затряслись и руки и ноги у купца и возговорилъ онъ голосомъ радостнымъ: «Вотъ аленькой цвѣточекъ, какого нѣтъ краше на бѣломъ свѣтѣ, о какомъ просила меня дочь меньшая, любимая».

И, проговоривъ таковы слова, онъ подошелъ и сорвалъ аленькой цвѣточекъ. Въ тое жъ минуту, безо всякихъ тучъ, блеснула молонья и ударилъ громъ, инда земля зашаталася подъ ногами, — и выросъ, какъ будто изъ земли, передъ купцомъ: звѣрь не звѣрь, человѣкъ не человѣкъ, а такъ, какое-то чудище, страшное и мохнатое, и заревѣлъ онъ голосомъ дикимъ: «Что ты сдѣлалъ? Какъ ты

посмѣлъ сорвать въ моемъ саду мой заповѣдной, любимый цвѣтокъ? Я хоронилъ его паче зѣницы ока моего, и всякой день утѣшался, на него гляючи, а ты лишилъ меня всей утѣхи въ моей жизни. Я хозяинъ дворца и сада, я принялъ тебя, какъ дорогого гостя и званого, накормилъ, напоилъ и спать уложилъ, а ты эдакъ-то заплатилъ за мое добро! Знай же свою участь горькую: умереть тебѣ за свою вину смертью безвременною»... И несчетное число голосовъ дикіихъ со всѣхъ сторонъ завопило: «Умереть тебѣ смертью безвременною!»

У честного купца отъ страха зубъ на зубъ не приходилъ; онъ оглянулся кругомъ и видитъ, что со всѣхъ сторонъ, изъ-подъ каждаго дерева и кустика, изъ воды, изъ земли, лѣзетъ къ нему сила нечистая и несмѣтная, все страшилища безобразныя. Онъ упалъ на колѣни передъ наибольшимъ хозяиномъ-чудищемъ мохнатымъ и возговорилъ голосомъ жалобнымъ: «Охъ, ты гой еси, господинъ честной, звѣрь лѣсной, чудо морское: какъ взвеличать тебя — не знаю, не вѣдаю. Не погуби ты души моей христіанскія за мою продерзость безвинную, не прикажи меня рубить и казнить, прикажи слово вымолвить. А есть у меня три дочери, три дочери красавицы, хорошія и пригожія; обѣщаль я имъ по гостинцу привезть: старшей дочери—самоцвѣтный вѣнецъ, средней дочери—туалетъ хрустальный, а меньшей дочери—аленькой цвѣточекъ, какого бы не было краше на бѣломъ свѣтѣ. Старшимъ дочерямъ гостинцы я сыскалъ, а меньшей дочери гостинца отыскать не могъ; увидалъ я такой гостинецъ у тебя въ саду, аленькой цвѣточекъ, какого краше нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, и подумалъ я, что такому хозяину богатому, богатому, славному и могучему, не будетъ жалко цвѣточка аленького, о какомъ просила моя меньшая дочь любимая. Каюсь я въ своей винѣ передъ твоимъ величествомъ. Ты прости мнѣ, неразумному и глупому, отпусти меня къ моимъ дочерямъ родимымъ и подари мнѣ цвѣточекъ аленькой для гостинца моей меньшей, любимой дочери. Заплачу я тебѣ казны золотой, что потребуешь».

Раздался по лѣсу хохотъ, словно громъ загремѣлъ, и возговорить купцу звѣрь лѣсной, чудо морское: «Не надо мнѣ твоей золо-

той казны: мнѣ своей дѣвать некуда. Нѣтъ тебѣ отъ меня никакой милости, и разорвуть тебя мои слуги вѣрные на куски, на части мелкія. Есть одно для тебя спасенье. Я отпущу тебя домой невредимаго, награжу казной несчетною, подарю цвѣточекъ аленькой, коли дашь ты мнѣ слово честное купецкое и запись своей руки, что пришлешь замѣсто себя одну изъ дочерей своихъ, хорошихъ, пригожихъ; я обиды ей никакой не сдѣлаю, а будетъ она жить у меня въ чести и привольѣ, какъ самъ ты жилъ во дворцѣ моемъ. Стало скучно мнѣ жить одинокому, и хочу я залучить себѣ товарища.

Такъ и палъ купецъ на сыру землю, горючими слезами обливается; а и взглянетъ онъ на звѣря лѣсного, на чудо морское, а и вспомнитъ онъ своихъ дочерей, хорошихъ, пригожихъ, а и пуще того завопитъ источнымъ голосомъ: больно страшень былъ лѣсной звѣрь, чудо морское.

Много времени честной купецъ убивается и слезами обливается, и возговоритъ онъ голосомъ жалобнымъ: «Господинъ честной, звѣрь лѣсной, чудо морское! А и какъ мнѣ быть, коли дочери мои, хорошия и пригожія, по своей волѣ не похочутъ ѣхать къ тебѣ? Не связать же мнѣ имъ руки и ноги, да насильно прислать? Да и какимъ путемъ до тебя доѣхать? Я ѣхалъ къ тебѣ ровно два года, а по какимъ мѣстамъ, по какимъ путямъ—я не вѣдаю».

Возговоритъ купцу звѣрь лѣсной, чудо морское: «Не хочу я невольницы: пусть пріѣдетъ твоя дочь сюда по любви къ тебѣ, своей волею и хотѣніемъ; а коли дочери твои не поѣдутъ по своей волѣ и хотѣнію, то самъ пріѣзжай, и велю я казнить тебя смертью лютою. А какъ пріѣхать ко мнѣ—не твоя бѣда; дамъ я тебѣ перстень съ руки моей: кто надѣнетъ его на правый мизинецъ, тотъ очутится тамъ, гдѣ пожелаетъ, во единое ока мгновение. Сроку тебѣ даю дома пробыть три дня и три ночи». Думалъ - думалъ купецъ думу крѣпкую, и придумалъ такъ: «лучше мнѣ съ дочерьми повидаться, дамъ имъ свое родительское благословеніе, и коли онѣ избавить меня отъ смерти не похочутъ, то и воротиться къ лѣсному звѣрю, чуду морскому». Фальши у него на умѣ не было, а потому

онъ разсказаль, что у него было на мысляхъ. Звѣрь лѣсной, чудо морское и безъ того ихъ зналъ; видя его правду, онъ и записи съ него заручной не взялъ, и снялъ съ своей руки золотой перстень и подалъ его честному купцу. И только честной купецъ успѣлъ надѣть его на правый мизинецъ, какъ очутился онъ въ воротахъ своего широкаго двора; въ ту пору въ тѣ же ворота вѣзжали его караваны богатые съ прислугою вѣрною, и привезли они казны и товаровъ втрое противу прежняго.

Поднялся въ домѣ шумъ и гвалтъ, повскакали дочери изъ-за пялець своихъ, а вышивали онѣ серебромъ и золотомъ ширинки шелковыя; почали онѣ отца цѣловать, миловать и разными ласковыми именами называть, и двѣ старшія сестры любезятъ пуще меньшей сестры. Видятъ онѣ, что отецъ какъ-то не радощенъ и что есть у него на сердцѣ печаль потаенная.

Стали старшія дочери его допрашивать, не потерялъ ли онъ своего богатства великаго; меньшая же дочь о богатствѣ не думаетъ и говоритъ она своему родителю: «Мнѣ богатства твои не надобны, — богатство дѣло наживное, а открой ты мнѣ свое горе сердешное».

И возговорить тогда честной купецъ своимъ дочерямъ родимымъ, хорошимъ и пригожимъ: «Не потерялъ я своего богатства великаго, а нажилъ казны втрое-вчетверо; а есть у меня другая печаль, и скажу вамъ объ ней завтрашній день, а сегодня будемъ вселиться».

Приказаль онъ принести сундуки дорожные, желѣзомъ окованные; доставаль онъ старшей дочери золотой вѣнецъ, золота аравійскаго, на огнѣ не горить, въ водѣ не ржавѣетъ, со камнями самоцвѣтными; достаетъ гостинецъ средней дочери, тувалетъ хрусталоу восточнаго; достаетъ гостинецъ меньшей дочери, золотой кувшинъ съ цвѣточкомъ аленькимъ. Старшія дочери отъ радости рехнулись, унесли свои гостинцы въ терема высокіе и тамъ на просторѣ ими досыта потѣшались. Только дочь меньшая, любимая, увидавъ цвѣточекъ аленькой, затряслась вся и заплакала, точно въ сердце ее что ужалило.

Какъ возговорить къ ней отецъ таковы рѣчи: «Что же, дочь

моя милая, любимая, не берешь ты своего цвѣтка желаннаго? Краше его нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ». Взяла дочь меньшая цвѣточекъ аленькой, ровно нехотя, цѣлуетъ руки отцовы, а сама плачетъ горючими слезами. Скоро прибѣжали дочери старшія, попытали онѣ гостинцы отцовскіе и не могутъ опомниться отъ радости. Тогда сѣли всѣ они за столы дубовые, за скатерти бранья, за яства сахарныя, за питія медвяныя; стали ѣсть, пить, прохлаждатися, ласковыми рѣчами утѣшатися. Вечеру гости понаѣхали, и сталъ домъ у купца полнехонекъ дорогихъ гостей, сродниковъ, угодниковъ, прихлебателей.

До полуночи бесѣда продолжалася, и таковъ былъ вечерній пиръ, какого честной купецъ у себя въ дому не видывалъ; и откуда что бралось, не могъ догадаться онъ, да и всѣ тому дивовалися: и посуды золотой-серебряной и кушаньевъ диковинныхъ, какихъ никогда въ дому не видывали.

Заутра позвалъ къ себѣ купецъ старшую дочь, рассказалъ ей все, что съ нимъ приключилося, все отъ слова до слова, и спросилъ, хочетъ ли она избавить его отъ смерти лютыя и поѣхать жить къ звѣрю лѣсному, къ чуду морскому.

Старшая дочь наотрѣзъ отказалася и говоритъ: «Пусть та дочь и выручаетъ отца, для кого онъ доставалъ аленькой цвѣточекъ».

Позвалъ честной купецъ къ себѣ другую дочь, среднюю, рассказалъ ей все, что съ нимъ приключилося, все отъ слова до слова, и спросилъ, хочетъ ли она избавить его отъ смерти лютыя и поѣхать жить къ звѣрю лѣсному, чуду морскому.

Средняя дочь наотрѣзъ отказалася и говоритъ: «Пусть та дочь и выручаетъ отца, для кого онъ доставалъ аленькой цвѣточекъ».

Позвалъ честной купецъ меньшую дочь и сталъ ей все рассказывать, все отъ слова до слова, и не успѣлъ кончить рѣчи своей, какъ стала передъ нимъ на колѣни дочь меньшая, любимая, и сказала: «Благослови меня, государь, мой батюшка родимый: я поѣду къ звѣрю лѣсному, чуду морскому и стану жить у него. Для меня досталъ ты аленькой цвѣточекъ, и мнѣ надо выручить тебя».

Залился слезами честной купецъ, обнялъ онъ свою меньшую дочь, любимую, и говоритъ ей таковыя слова: «Дочь моя милая, хорошая, пригожая, меньшая и любимая, да будетъ надъ тобою мое благословеніе родительское, что выручаешь ты своего отца отъ смерти лютыя и по доброй волѣ своей и хотѣнію идешь на житье противное къ страшному звѣрю лѣсному, чуду морскому. Будешь жить ты у него во дворцѣ, въ богатствѣ и привольѣ великіимъ; да гдѣ тотъ дворецъ—никто не знаетъ, не вѣдаетъ, и нѣтъ къ нему дороги ни конному, ни пѣшему, ни звѣрю прыскачому, ни птицѣ перелетной. Не будетъ намъ отъ тебя ни слуха, ни вѣсточки, а тебѣ отъ насъ и подавно. И какъ мнѣ доживать мой горькій вѣкъ, лица твоего не выдаючи, ласковыхъ рѣчей твоихъ не слышаючи; разстаюсь я съ тобою на вѣки вѣчныя, ровно тебя живую въ землю хороню».

И возговоритъ отцу дочь меньшая, любимая: «Не плачь, не тоскуй, государь, мой батюшка родимый; житье мое будетъ богатое, привольное; звѣря лѣсного, чуда морского я не испугаюсь, буду служить ему вѣрою и правдою, исполнять его волю господскую, а можетъ, онъ надо мной и сжалится. Не оплакивай ты меня живую, словно мертвую; можетъ, Богъ дастъ, я и вернусь къ тебѣ».

Плачетъ, рыдаетъ честной купецъ, таковыми рѣчами не утѣшается. Прибѣгаютъ сестры старшія, большая и середняя, подняли плачь по всему дому: вишь больно имъ жалко меньшей сестры, любимыя; а меньшая сестра и виду печальнаго не кажетъ, не плачетъ, не охаетъ и въ дальній путь невѣдомый собирается. И беретъ съ собой цвѣточекъ аленькой во кувшинѣ позолоченномъ.

Пришелъ третій день и третья ночь, пришла пора разставаться честному купцу, разставаться съ дочерью меньшею, любимую; онъ цѣлуетъ, милуетъ ее, горячими слезами обливаетъ. Вынимаетъ онъ перстень звѣря лѣсного, чуда морского, изъ ларца кованнаго, надѣваетъ перстень меньшей любимой дочери—и не стало ея въ тое жъ минуточку, со всѣми ея пожитками.

Очутилась она во дворцѣ звѣря лѣсного, чуда морского, во палатахъ высокіихъ, каменныхъ, на кровати изъ рѣзного золота, со

ножками хрустальными, на пуховикѣ пуха лебяжьяго, покрытомъ золотой камкой; ровно она и съ мѣста не сходила, ровно она цѣлый вѣкъ тутъ жила, ровно легла почивать да проснулася.

Заиграла музыка согласная, какой сродясь она не слыхивала. Встала она со постели пуховыя и видитъ, что всѣ ея пожитки и цвѣточекъ аленькой въ кувшинѣ позолоченномъ тутъ же стоятъ, раскладены и разставлены на столахъ зеленыхъ малахита мѣднаго, и что въ той палатѣ много добра и скарба всякаго, есть на чемъ посидѣть-полежать, есть во что приодѣться, есть во что посмотрѣться. И была одна стѣна вся зеркальная, другая стѣна золоченая, а третья стѣна вся серебряная, а четвертая стѣна изъ кости слоновыя и мамонтовыя, самоцвѣтными яхонтами разубранная, и подумала она: «Должно-быть, это моя опочивальня».

Захотѣлось ей осмотрѣть весь дворець, и пошла она осматривать всѣ его палаты высокія, и ходила она не мало времени, на всѣ диковинки любующись; одна палата была краше другой, и всѣ краше того, какъ рассказывалъ честной купецъ, государь ея батюшка родимый; взяла она изъ кувшина золоченаго любимый цвѣточекъ аленькой, сошла она въ зелены сады, и запѣли ей птицы свои пѣсни райскія, а деревья, кусты и цвѣты замахали своими верхушками и ровно передъ ней преклонилися; выше забили фонтаны воды и громчѣй зашумѣли ключи родниковые, и нашла она то мѣсто высокое, пригорокъ муравчатый, на которомъ сорвалъ честной купецъ цвѣточекъ аленькой, краше котораго нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ. И вынула она тотъ аленькой цвѣточекъ изъ кувшина золоченаго и хотѣла посадить на мѣсто прежнее; но самъ онъ вылетѣлъ изъ рукъ ея и приросъ къ стеблю прежнему и расцвѣлъ краше прежняго.

Подивилася она такому чуду чудному, диву дивному, порадовалась своему цвѣточку аленькому завѣтному и пошла назадъ въ палаты свои дворцовыя, и въ одной изъ нихъ стоялъ столъ накрытъ, и только она подумала: «Видно, звѣрь лѣсной, чудо морское на меня не гнѣвается и будетъ онъ ко мнѣ господинъ милостивый», — какъ на бѣлой мраморной стѣнѣ появились словеса огненные: «Не госпо-

динь я твой, а послушный рабъ. Ты моя госпожа, и все, что тебѣ на умъ придетъ, исполнять я буду съ охотою».

Прочитала она словеса огненные, и пропали они со стѣны бѣлой мраморной, какъ будто ихъ никогда не бывало тамъ. И вспало ей на мысли написать письмо къ своему родителю и дать ему о себѣ вѣсточку. Не успѣла она о томъ подумати, какъ видитъ она, передъ нею бумага лежитъ, золотое перо со чернилицей.

Пишетъ она письмо къ своему батюшкѣ родимому и сестрицамъ своимъ любезнымъ: «Не плачьте обо мнѣ, не горюйте, я живу во дворцѣ у звѣря лѣсного, чуда морского, какъ королевишна; самого его не вижу и не слышу, а пишетъ онъ ко мнѣ на стѣнѣ бѣломраморной словесами огненными; и знаетъ онъ все, что у меня на мысли, и тое жъ минутою все исполняетъ, и не хочетъ онъ называться господиномъ моимъ, а меня называетъ госпожой своей».

Не успѣла она письмо написать и печатью припечатать, какъ пропало письмо изъ рукъ и изъ глазъ ея, словно его тутъ и не было. Заиграла музыка пуще прежняго, на столѣ явились яства сахарныя, питья медвяныя, вся посуда золота червоннаго. Сѣла она за столъ веселехонька, хотя сроду не обѣдала одна одинешенька, ѣла она, пила, прохлаждалася, музыкою забавлялася. Послѣ обѣда, накушавшись, она опочивать легла; заиграла музыка потише и подальше, по той причинѣ, чтобъ ей спать не мѣшать.

Послѣ сна встала она веселешенька и пошла опять гулять по садамъ зеленымъ, потому что не успѣла она до обѣда обходить и половины ихъ, наглядѣться на ихъ диковинки. Всѣ деревья, кусты и цвѣты передъ ней преклонялися, а спѣлые плоды, груши, персики и наливныя яблочки сами въ ротъ лѣзли.

Походивъ время не малое, почитай вплоть до вечера, воротилась она въ свои палаты высокія и видитъ она: столъ накрытъ, и на столѣ яства стоятъ сахарныя и питья медвяныя и все отмѣнныя. Послѣ ужина вошла она въ ту палату бѣломраморну, гдѣ читала она на стѣнѣ словеса огненные, и видитъ она на той же стѣнѣ опять

такія же словеса огненныя: «Довольна ли, госпожа моя, своими садами и палатами, угощенемъ и прислугою?» И возговорила голосомъ радощнымъ молодая дочь купецкая, красавица писаная: «Не зови ты меня госпожой своей, а будь ты всегда мой добрый господинъ, ласковый да милостивый. Я изъ воли твоей никогда не выступлю. Благодарствую тебѣ за все твое угощеніе. Лучше твоихъ палатъ высокіихъ и твоихъ зеленыхъ садовъ не найти на бѣломъ свѣтѣ: то и какъ же мнѣ довольною не быть? Я сродясь такихъ чудесъ не видывала. Я отъ такого дива еще въ себя не приду, только боюсь я опочивать одна; во всѣхъ твоихъ палатахъ высокіихъ нѣтъ ни души человѣческой».

Появились на стѣнѣ словеса огненныя: «Не бойся, моя госпожа прекрасная: не будешь ты почивать одна, дожидается тебя твоя дѣвушка сѣнная, вѣрная и любимая; и много въ палатахъ душъ человѣческихъ, а только ты ихъ не видишь и не слышишь, и всѣ онѣ вмѣстѣ со мной берегутъ тебя и день и ночь: не дадимъ мы на тебя вѣтру вѣнути, не дадимъ и пылинкѣ сѣсть».

И пошла почивать въ опочивальню свою молодая дочь купецкая, красавица писаная, и видитъ: стоитъ у кровати ея дѣвушка сѣнная, вѣрная и любимая, и стоитъ она чуть отъ страха жива, и обрадовалась она госпожѣ своей, и цѣлуетъ ея руки бѣлыя, обнимаетъ ея ноги рѣзвыя. Госпожа была ей также радощна, принялась ее спрашивать про батюшку родимаго, про сестрицъ своихъ старшіихъ и про всю свою прислугу дѣвичью, опосля того принялась сама рассказывать, что съ нею въ это время приключилося; такъ и не спали онѣ до бѣлой зари.

Такъ и стала жить да поживать молодая дочь купецкая, красавица писаная. Всякой день ей готовы наряды новые богатые, а убранства такія, что цѣны имъ нѣтъ, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; всякой день угощенья и веселья новыя, отмѣнныя: катанье, гулянье съ музыкой на колесницахъ безъ коней и упряжи по темнымъ лѣсамъ; а тѣ лѣса передъ ней разступалися и дорогу давали ей широкую и гладкую, и стала она руководѣльями заниматься, руко-

дѣльями дѣвичьими, вышивать ширинки серебромъ и золотомъ и низать бахромы частымъ жемчугомъ, стала посылать подарки батюшкѣ родимому, а и самую богатую ширинку подарила своему хозяину ласковому, а и тому лѣсному звѣрю, чуду морскому, а и стала она день ото дня чаще ходить въ залу бѣломраморную, говорить рѣчи ласковыя своему хозяину милостивому и читать на стѣнѣ его отвѣты и привѣты словесами огненными.

Мало ли, много ли тому времени прошло: скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается,—стала привыкать къ своему житью-бытью молодая дочь купецкая, красавица писаная, ничему она ужъ не дивуется, ничего не пугается; служатъ ей слуги невидимые, подаютъ, принимаютъ, на колесницахъ безъ коней катаютъ, въ музыку играютъ и всѣ ея повелѣнія исполняютъ; и возлюбляла она своего господина милостиваго день ото дня и видѣла она, что не даромъ онъ зоветъ ее госпожой своей и что любить онъ ее душе самого себя, и захотѣлось ей его голоса послушати, захотѣлось съ нимъ разговоръ повести, не ходя въ палату бѣломраморную, не читая словесовъ огненныхъ.

Стала она его о томъ молить и просить; да звѣрь лѣсной, чудо морское, не скоро на ея просьбу соглашается, испугать ее своимъ голосомъ опасается; упросила, умолила она своего хозяина ласковаго, и не могъ онъ ей супротивнымъ быть, и написалъ онъ ей въ послѣдній разъ на стѣнѣ бѣломраморной словесами огненными: «Приходи сегодня въ зеленый садъ, сядь въ свою бесѣдку любимую, листьями, вѣтками, цвѣтами заплетенную, и скажи такъ: «говори со мной, мой вѣрный рабъ». И мало спустя времечка, побѣжала молодая дочь купецкая, красавица писаная, во сады зеленые, входила во бесѣдку свою любимую, листьями, вѣтками, цвѣтами заплетенную, и садилась на скамью парчевую, и говоритъ она задыхаючись, бьется сердечко у ней, какъ у пташки пойманной, говоритъ таковыя слова: «Не бойся ты, господинъ мой, добрый, ласковый, испугать меня своимъ голосомъ; опосля всѣхъ твоихъ милостей не убоюся я и рева звѣринаго, говори со мной, не опасаячись».

И услышала она, ровно кто вздохнулъ за бесѣдкою, и раздался голосъ страшный, дикой и зычный, хриплый и сиплый, да и то говорилъ онъ еще вполголоса; вздрогнула сначала молодая дочь купецкая, красавица писаная, услыхавъ голосъ звѣря лѣснаго, чуда морского, только со страхомъ своимъ совладала и виду, что испужалася, не показала, и скоро слова его ласковыя и привѣтливыя, рѣчи умныя и разумныя стала слушать она и заслушалась, и стало у ней на сердцѣ радостно.

Съ той поры, съ того времечка пошли у нихъ разговоры почти цѣлый день, во зеленомъ саду на гуляньяхъ, во темныхъ лѣсахъ на катаньяхъ и во всѣхъ палатахъ высокіихъ. Только спросить молодода дочь купецкая, красавица писаная: «Здѣсь ли ты, мой добрый, любимый господинъ?» Отвѣчаетъ лѣсной звѣрь, чудо морское: «Здѣсь, госпожа моя прекрасная, твой вѣрный рабъ, неизмѣнный другъ». И не пугается она его голоса дикаго и страшнаго, и пойдуть у нихъ рѣчи ласковыя, что конца имъ нѣтъ.

Прошло мало ли, много ли времени: скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается,—захотѣлось молодой дочери купецкой, красавицѣ писаной, увидѣть своими глазами звѣря лѣснаго, чуда морского, и стала она его о томъ просить и молить; долго онъ на то не соглашается, испугать ее опасается, да и былъ онъ такое страшилище, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; не токмо люди, звѣри дикіе его завсегда устрашались и въ свои берлоги разбѣгались.

И говоритъ звѣрь лѣсной, чудо морское, таковыя слова: «Не проси, не моли ты меня, госпожа моя 'распрекрасная, красавица ненаглядная, чтобы показалъ я тебѣ свое лицо противное, свое тѣло безобразное. Къ голосу моему привыкла ты; мы живемъ съ тобой въ дружбѣ, согласіи, другъ съ другомъ почитай [не разлучаемся и любишь ты меня за мою любовь къ тебѣ несказанную, а увидя меня страшнаго и противнаго, возненавидишь ты меня несчастнаго, прогонишь ты меня съ глазъ долой, а въ разлукѣ съ тобой я умру съ тоски».

Не слушала такихъ рѣчей молода купецка дочь, красавица писаная, и стала молить пуще прежняго, увѣрять, что никакого на свѣтѣ страшилища не испугается и что не разлюбитъ она своего господина милостиваго, и говоритъ ему таковыя слова: «Если ты старъ чело-вѣкъ — будь мнѣ дѣдушка, если середовичъ — будь мнѣ дядюшка, если же молодъ ты—будь мнѣ названный братъ, и поколь я жива—будь мнѣ сердешный другъ».

Долго-долго лѣсной звѣрь, чудо морское, не поддавался на такія слова, да не могъ просьбамъ и слезамъ своей красавицы супротивнымъ быть, и говоритъ ей таково слово: «Не могу я тебѣ супротивнымъ быть; по той причинѣ, что люблю тебя пуще самого себя, исполню я твое желаніе, хоша знаю, что погублю мое счастье и умру смертью безвременной. Приходи во зеленый садъ, въ сумерки сѣрныя, когда сядетъ за лѣсъ солнышко красное, и скажи: «покажись мнѣ, мой вѣрный другъ!» и покажу я тебѣ свое лицо противное, свое тѣло безобразное. А коли станетъ неволю тебѣ больше у меня оставатися, не хочу я твоей неволи и муки вѣчныя: ты найдешь въ опочивальнѣ своей, у себя подъ подушкой, мой золотъ-перстень. Надѣнь его на правой мизинецъ—и очутишься ты у батюшки родимаго, и ничего обо мнѣ николи не услышишь».

Не убоялась, не устрашилась, крѣпко на себя понадѣялась молода дочь купецкая, красавица писаная. Въ тѣ поры, не мѣшкая ни минуточки, пошла она во зеленый садъ дожидатися часу урочнаго, и когда пришли сумерки сѣрныя, опустилось за лѣсъ солнышко красное, проговорила она: «Покажись мнѣ, мой вѣрный другъ!», и показался ей издали звѣрь лѣсной, чудо морское: онъ прошелъ только поперекъ дороги и пропалъ въ частыхъ кустахъ, и не взвидѣла свѣта молода дочь купецкая, красавица писаная, всплеснула руками бѣлыми, закричала источнымъ голосомъ и упала на дорогу безъ памяти.

Да и страшень былъ звѣрь лѣсной, чудо морское: руки кривыя, на рукахъ когти звѣриныя, ноги лошадиныя, спереди, сзади горбы

великіе, верблюжіе, весь мохнатый отъ верху до низу, изо рта торчали кабаньи клыки, носъ крючкомъ, какъ у беркута, а глаза были совиныя.

Полежамши, долго ли, мало ли времени, опаматовалась молода дочь купецкая, красавица писаная, и слышитъ: плачетъ кто-то возлѣ нея, горючьми слезами обливается и говоритъ голосомъ жалостнымъ: «Погубила ты меня, моя красавица возлюбленная, не видать мнѣ больше твоего лица распрекраснаго, не захочешь ты меня даже слышати, и пришло мнѣ умереть смертию безвременною».

И стало ей жалко и совѣстно, и совладала она съ своимъ страхомъ велимъ, и съ своимъ сердцемъ робкіимъ дѣвичимъ, и заговорила она голосомъ твердымъ: «Нѣтъ, не бойся ничего, мой господинъ добрый и ласковый, не испугаюсь я больше твоего вида страшнаго, не разлучусь я съ тобой, не забуду твоихъ милостей; покажись мнѣ теперь же въ своемъ видѣ давишнемъ: я только впервыя испугалась».

Показался ей лѣсной звѣрь, чудо морское, въ своемъ видѣ страшнымъ, противнымъ, безобразнымъ, только близко подойти къ ней не осмѣлился, сколько она ни звала его; гуляли они до ночи темныя и вели бесѣды прежнія, ласковыя и разумныя, и не чуяла никакого страха молодая дочь купецкая, красавица писаная.

На другой день увидала она звѣря лѣснаго, чудо морское, при свѣтѣ солнышка краснаго, и хоша сначала, разглядя его, испугалась, а виду не показала, и скоро страхъ ея совсѣмъ прошелъ. Тутъ пошли у нихъ бесѣды пуще прежняго; день деньской почитай не разлучалися, за обѣдомъ и ужиномъ яствами сахарными насыщалися, питьями медвяными прохлаждалися, гуляли по зеленымъ садамъ, безъ коней каталися по темнымъ лѣсамъ.

И прошло тому не мало времени: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Вотъ одна и привидѣлось во снѣ молодой купецкой дочери, красавицѣ писаной, что батюшка ея нездоровъ лежитъ; и напала на нее тоска неусыпная, и увидалъ ее въ

той тоскѣ и слезахъ звѣрь лѣсной, чудо морское, и вельми закручинился и сталъ спрашивать, отчего она въ тоскѣ, во слезахъ.

Разказала она ему свой недоброй сонъ и стала просить у него позволенія: повидать своего батюшку родимаго и сестрицъ своихъ любезныхъ; и возговорить къ ней лѣсной звѣрь, чудо морское: «И зачѣмъ тебѣ мое позволенье? Золотъ-перстень мой у тебя лежитъ: надѣнь его на правой мизинецъ, и очутишься въ дому у батюшки родимаго. Оставайся у него, пока не соскучишься, а и только я скажу тебѣ: коли ты ровно черезъ три дня и три ночи не воротишься, то не будетъ меня на бѣломъ свѣтѣ, и умру я тою же минутою, по той причинѣ, что люблю тебя больше, чѣмъ самого себя, и жить безъ тебя не могу.

Стала она завѣрять словами завѣтными, что ровно за часъ до трехъ дней и трехъ ночей воротится во палаты его высокія. Простилась она съ хозяиномъ своимъ ласковымъ и милостивымъ, надѣла на правый мизинецъ золотъ-перстень и очутилась на широкомъ дворѣ честного купца, своего батюшки родимаго.

Идетъ она на высокое крыльцо его палатъ каменныхъ; набѣжала къ ней прислуга и челядь дворовая, подняли шумъ и крикъ; прибѣжали сестрицы любезныя и, увидѣвши ее, диву дались красотѣ ея дѣвичьей и наряду ея царскому, королевскому; подхватили ее подъ руки бѣлыя и повели къ батюшкѣ родимому, а батюшка нездоровъ лежалъ, нездоровъ и нерадошень, день и ночь ее воспоминаючи, горючими слезами обливаючись; и не вспомнился онъ отъ радости, увидавши свою дочь милую, хорошую, пригожую, меньшую, любимую, и дивился онъ красотѣ ея дѣвичьей, ея наряду царскому, королевскому.

Долго они цѣловалися, миловалися, ласковыми рѣчами утѣшались. Разказала она своему батюшкѣ родимому и своимъ сестрамъ старшимъ, любезнымъ, про свое житье-бытье у звѣря лѣсного, чуда морского, все отъ слова до слова, никакой крохи не скрываючи, и возвеселился честной купецъ ея житью богатому, царскому,

Тутъ пошли у нихъ бесѣды пуше прежняго.

королевскому, и дивился, какъ она привыкла смотрѣть на своего хозяина страшнаго и не боится звѣря лѣснаго, чуда морского; самъ онъ, объ немъ вспоминая, дрожкой-дрожалъ. Сестрамъ же старшимъ, слушая про богатства несмѣтныя меньшей сестры и про власть ея царскую надъ своимъ господиномъ, словно надъ рабомъ своимъ, инда завистно стало.

День проходитъ, какъ единый часъ, другой день проходитъ, какъ минуточка, а на третій день стали уговаривать меньшую сестру сестры старшія, чтобы не ворочалась она къ звѣрю лѣсному, чуду морскому. «Пусть-де околѣетъ, туда и дорога ему...»

И прогнѣвалась на сестеръ старшихъ дорогая гостыя, меньшая сестра, и сказала имъ таковы слова: «Если я моему господину доброду и ласковому за всѣ его милости и любовь горячую, несказанную, заплачу его смертью лютою, то не буду я стоять того, чтобы мнѣ на бѣломъ свѣтѣ жить, и стоять меня тогда отдать дикимъ звѣрямъ на растерзаніе». И отецъ ея, честной купецъ, похвалилъ ее за такія рѣчи хорошія, и было положено, чтобы до срока ровно за часъ воротилась къ звѣрю лѣсному, чуду морскому, дочь хорошая, пригожая, меньшая, любимая, а сестрамъ то въ досаду было, и задумали онѣ дѣло хитрое, дѣло хитрое и недоброе: взяли онѣ да всѣ часы въ домѣ цѣлымъ часомъ назадъ поставили, и не вѣдалъ того честной купецъ и вся его прислуга вѣрная, челядь дворовая.

И когда пришелъ настоящій часъ, стало у молодой купецкой дочери, красавицы писаной, сердце болѣть и щемить, ровно стало что-нибудь подмывать ее, и смотритъ она то и дѣло на часы отцовскіе, англискіе, нѣмецкіе, — а все рано ей пускаться въ дальній путь; а сестры съ ней разговариваютъ, о томъ, о семъ спрашиваютъ, позадерживаютъ; однако сердце ея не вытерпѣло; простилась дочь меньшая, любимая, красавица писаная, со честнымъ купцомъ, батюшкой родимымъ, приняла отъ него благословеніе родительское, про-

стилась съ сестрами старшими, любезными, со прислугою вѣрною, челядью дворовою, и, не дождавшись единой минутки до часа урочнаго, надѣла золотъ-перстень на правый мизинецъ и очутилась во дворцѣ бѣлокаменномъ, во палатахъ высокіихъ звѣря лѣснаго, чуда морского, и дивуючись, что онъ ее не встрѣчаетъ, закричала она громкимъ голосомъ: «Гдѣ же ты, мой добрый господинъ, мой вѣрный другъ? Что же ты меня не встрѣчаешь? Я воротилась раньше срока назначеннаго цѣлымъ часомъ со минуточкой».

Ни отвѣта, ни привѣта не было, тишина стояла мертвая: въ зеленыхъ садахъ птицы не пѣли пѣсни райскія, не били фонтаны воды и не шумѣли ключи родниковые, не играла музыка во палатахъ высокіихъ.

Дрогнуло сердечко у купечкой дочери, красавицы писаной, почувяла она нѣшто не доброе, обѣжала она палаты высокія и сады зеленые, звала зычнымъ голосомъ своего хозяина добраго—нѣтъ нигдѣ ни отвѣта, ни привѣта, и никакого гласа послушанія; побѣжала она на пригорокъ муравчатый, гдѣ росъ, красовался ея любимый цвѣточекъ аленькой, и видитъ она, что лѣсной звѣрь, чудо морское, лежитъ на пригоркѣ, обхвативъ аленькой цвѣточекъ своими лапами безобразными.

И помнилось ей, что заснулъ онъ, ее дожидающись, и спитъ теперь крѣпкимъ сномъ. Начала его будить потихоньку дочь купечкая, красавица писаная: онъ не слышитъ; принялась будить покрѣпче, схватила его за лапу мохнатую, и видитъ, что звѣрь лѣсной, чудо морское, бездыханенъ, мертвъ лежитъ...

Помутились ея очи ясныя, подкосилися ноги рѣзвыя, пала она на колѣни, обняла руками бѣлыми голову своего господина добраго, голову безобразную и противную, и завопила источнымъ голосомъ: «Ты встань, пробудись, мой сердешный другъ, я люблю тебя, какъ жениха желаннаго...» и только таковы слова она вымолвила, какъ заблестѣли молоньи со всѣхъ сторонъ, затряслася земля отъ грома

Взяли онѣ да всѣ часы часомъ назадъ поставили.

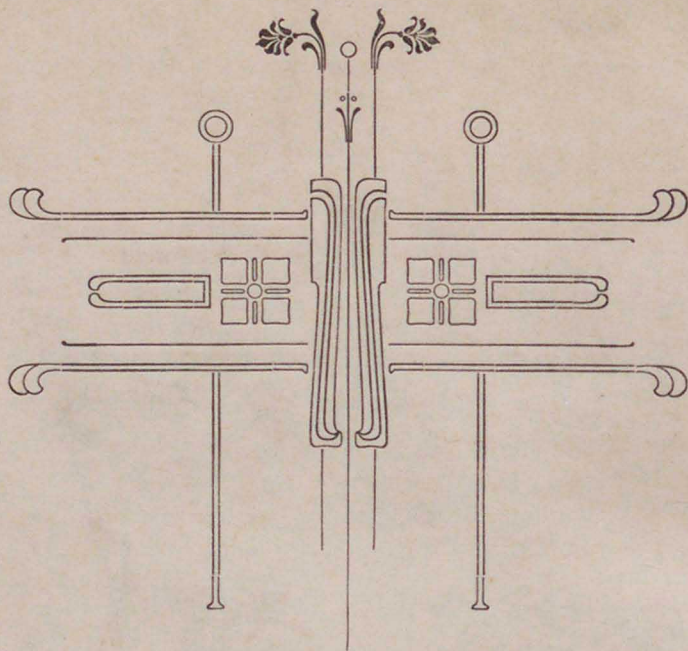
великаго, ударила громава стрѣла каменная въ пригорокъ муравчатый, и упала безъ памяти молодая дочь купецкая, красавица писаная.

Много ли, мало ли времени она лежала безъ памяти—не вѣдаю; только очнувшись, видитъ она себя во палатѣ высокой бѣломраморной, сидитъ она на золотомъ престолѣ со камнями драгоцѣнными, и обнимаетъ ее принцъ молодой, красавецъ писаный, на головѣ со короною царскою, въ одеждѣ златокованной; передъ ней стоитъ отецъ съ сестрами, а кругомъ на колѣняхъ стоитъ свита великая, всѣ одѣты въ парчахъ золотыхъ, серебряныхъ, и возговоритъ къ ней молодой принцъ, красавецъ писаный, на головѣ со короною царскою: «Полюбила ты меня, красавица ненаглядная, въ образѣ чудища безобразнаго, за мою добрую душу и любовь къ тебѣ; полюби же меня теперь въ образѣ человѣческомъ, будь моею невѣстой желанною. Злая волшебница прогнѣвалась на моего родителя покойнаго, короля славнаго и могучаго, украла меня, еще малолѣтняго, и сатанинскимъ колдовствомъ своимъ, силой нечистою, оборотила меня въ чудище страшное, наложила такое заклятiе, чтобы жить мнѣ въ такомъ видѣ безобразномъ, противномъ и страшномъ для всякаго человѣка, для всякой твари Божіей, пока найдется красная дѣвица, какого бы роду и званья ни была она, и полюбитъ меня въ образѣ страшилища, и пожелаетъ быть моею женою, и тогда колдовство все покончится, и стану я опять попрежнему человѣкомъ молодымъ и пригожимъ; и жилъ я такимъ страшилищемъ и пугаломъ ровно тридцать лѣтъ и залучалъ я въ мой дворецъ заколдованный одиннадцать дѣвицъ красныхъ, а ты была двѣнадцатая. Ни одна не полюбила меня за мои ласки и угожденiя, за мою душу добрую. Ты одна полюбила меня, чудище противное и безобразное, за мои ласки и угожденiя, за мою душу добрую, за любовь мою къ тебѣ несказанную, и будешь ты за то женою короля славнаго, королевую въ царствѣ могучимъ».

Тогда всѣ тому подивилися, свита до земли преклонилася. Чест-

ной купецъ далъ свое благословеніе дочери меньшей, любимой, и молодому принцу - королевичу. И проздравили жениха съ невѣстою сестры старшія завистныя и всѣ слуги вѣрныя, бояре великіе и кавалеры ратныя, и нимало не медля принялись веселымъ пиркомъ да за свадебку, и стали жить да поживать, добра наживать. Я сама тамъ была, пиво, медъ пила, по усамъ текло, да въ ротъ не попало.

Изданія „Библиотеки И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества“ продаются въ книжномъ магазинѣ „ПОСРЕДНИКЪ“ (Москва, Петровскія линіи) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ. Выписывать изъ главнаго склада изданій „ПОСРЕДНИКА“: Москва, Арбатъ, домъ Тѣстовыхъ, **И. И. Горбунову.**

Цѣна 30 коп.,

въ папкѣ 45 коп.

2011096913